
УДК 111:343.13

ББК 87.21

Л 68

З.Х. Ловпаче,

соискатель кафедры философии Кубанского государственного технологического университета, тел. 8 918 383 60 29.

**Толкование норм уголовно-процессуального права —
необходимая предпосылка
и условие их правильного применения
(Рецензирована)**

Аннотация. Статья посвящена проблемам, возникающим при толковании норм уголовно-процессуального права. Исследуются причины «коллизий норм права», вырабатывается вектор, являющийся предпосылкой и условием правильного применения норм уголовно-процессуального права в практической жизни. Освещается важность исследуемого вопроса, за которым стоит, порой, судьба и благополучие человека.

Ключевые слова: герменевтика, юридическая герменевтика, уголовно-процессуальное право, закон, толкование, понимание, применение.

Z.Kh. Lovpache,

*Competitor of Philosophy Department of the Kuban State University of Technology,
ph. 8 918 383 60 29*

**Interpretation of norms of criminally-procedural
law as the necessary precondition
and a condition of their correct application**

Abstract. The paper addresses the problems arising at interpretation of norms of criminally-procedural law. The reasons of “collisions of norms of the law” are investigated. The author develops a vector which is the precondition and a condition of correct application of the norms of criminally-procedural law in practical life. Importance of the question under study which is related, at times, to destiny and well-being of the person is discussed.

Keywords: a hermeneutics, a legal hermeneutics, criminally-procedural law, the law, interpretation, understanding, application.

Юридический казус: по закону все люди равны, а по его толкованию — все разные [1].

На сегодняшний день довольно явно обозначился круг наиболее важных и актуальных теоретических, правовых вопросов, связанных с проблематикой отношения личности, гражданского общества и государства, применения процессуальных норм на практике. К ним все чаще и чаще обращаются как западноевропейские, так и российские ученые-правоведы. Наибольшую актуальность и остроту в наше время приобрели вопросы сущности и становления правовых норм, особенности их

применения и понимания, правового обеспечения развития индивида в качестве субъекта различных правовых отношений, взаимной ответственности личности и государства. Сегодня для решения этих вопросов недостаточно прежнего методологического инструментария, необходимы интенсивные поиски методологических подходов. Думается, что наиболее перспективные из них связаны с методологией системного анализа, комплексного подхода к изучению различных феноменов социальной жизни, связанных общностью социальных корней, изучение становления и применения на практике пра-

вовых норм. При этом все чаще обращается внимание на взаимосвязь права и языка, права и философии.

Изучение взаимоотношения понимания норм права и применения норм права на практике продолжает оставаться актуальной задачей. Важную роль в применении норм уголовно-процессуального права выполняет правильное понимание этих норм. Ведь уголовно-правовой закон на сегодняшний день обладает не только превентивным свойством, но и карающим. Порой наказание довольно сурово. И при его назначении все обстоятельства исследуемого явления должны быть учтены в полной мере, а их понимание должно соответствовать «духу закона» в котором они содержатся. Ведь от его правильного толкования и понимания напрямую зависит и его применение на практике. А на сегодняшний день от этого во многом зависит судьба лиц — участников уголовного процесса. Некоторая неточность законодательства как причина квалификационных ошибок связана с нарушением в законотворчестве правил законодательной техники. Это прежде всего языковые и системные правила. О значении языка как первого шага, направленного на «правильное» понимание, говорит, к примеру известная пословица «Казнить нельзя помиловать». От запятой зависит жизнь подсудимого. Диалектика буквы и духа закона относима к юридической герменевтике.

Юридическая герменевтика как раздел науки о понимании содействует не только буквальному расшифровыванию текста толкуемой нормы, но и оценке правовой ситуации, сопутствующей реализации этой нормы. Термин «герменевтика» имеет различные трактовки. Например, герменевтикой называют искусство интерпретации (толкования) текстов [2]. Такое значение термина широко распространено. Под текстами здесь понимают любые литературные произведения: художественные, исторические, философские, религиозные и проч.

Термин «герменевтика» употребляется также и в теоретическом смысле:

герменевтика — это теория понимания, постижения смысла. Такое толкование мы находим в некоторых современных (по отношению к давним герменевтическим традициям) философских контекстах.

Есть также истолкование этого термина как «искусства постижения чужой индивидуальности». Это специфическое понимание смысла термина «герменевтика» имеет довольно длительную историю и связано, прежде всего, с одним из видов герменевтики, который можно назвать «психологической герменевтикой». Такого типа искусство постижения чужой индивидуальности развито и зафиксировано одним из классиков герменевтики Ф. Шлейермахером. Наконец, можно найти определение герменевтики как учения о принципах гуманитарных наук. Здесь герменевтика выходит на несколько иной уровень, где она приобретает уже функции онтологические и социально-философские, т. е. претендует на роль философской дисциплины.

Актуальность и значимость герменевтической проблематики в философии определяется усилением интереса к связанным с нею проблемам истолкования, интерпретации и понимания в практической жизни, политике, морали, праве, искусстве, религии, коммуникативной деятельности, образовании. В более узком смысле следует отметить, что возникновение философской теории интерпретации мира гуманитарной культуры, философии наук о духе с необходимостью приводит к герменевтической проблематике. Особо специфичной для философского исследования является проблема переосмысления природы философского знания, углубленное рассмотрение которой актуализирует герменевтическую проблематику.

В юридической науке и практике аналогично употребляется термин «толкование права». С одной стороны, под толкованием норм права понимается определенный мыслительный процесс, направленный на установление содержания норм права путем выявления значений и смысла терминов и вы-

ражений (знаков естественного языка), заключенных в нормативных актах. Оно обозначается обычно путем выражения, уяснения смысла (содержания) норм права. С другой стороны, под толкованием норм права (закона) понимается результат мыслительного процесса (уяснения), который фиксируется в совокупности языковых высказываний, отражающих содержание норм права.

Толкование норм — специфический способ уяснения выраженной в них государственной воли [3]. В той мере, в какой толкованию подлежит только государственная воля, которая выражена в нормативных актах, необходимо оперировать актами, регулируемыми процессуальный порядок возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел. Следует исходить из того, что «толкование есть установление смысла, который объективно выражен в словесной формуле нормативного акта. Главным объектом толкования является сам текст нормативного акта, однако за ним следует видеть общенародную волю, видеть его материальную обусловленность».

Поскольку толкованию подвергаются соответствующие нормативные акты, постольку правильнее, быть может, говорить о толковании не правовых норм, а нормативных актов. Однако, как справедливо замечает П. Е. Недбайло, «понятие толкования правовых норм настолько вошло в обиход, будучи для практической цели вполне пригодно и не вызывая принципиальных возражений по существу, что представляется возможным говорить о толковании норм права» [4].

К числу специфических свойств толкования норм уголовно-процессуального права необходимо отнести следующие: безмерность и безграничность, которые допускают возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, что снижает регулятивные свойства норм уголовно-процессуального права.

В той мере, в какой «процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни», применение норм уголовно-

процессуального права находится в органической взаимосвязи с применением норм права уголовного. Тем самым уяснение смысла уголовно-процессуальных норм составляет необходимое условие правильного применения не только этих правовых норм, но и соответствующих норм уголовного права, равным образом, как и уяснение смысла последних — необходимое условие правильного применения норм и уголовного, и уголовно-процессуального права. На практике нередко приходится встречаться с такими фактами, когда неправильное применение норм уголовно-процессуального права объясняется ошибочным истолкованием и применением норм уголовного права. Но бывает и наоборот, когда причиной неправильного применения норм уголовного права было ошибочное толкование и применение уголовно-процессуальных норм.

Как замечает А. А. Пионтковский, «одна правовая норма не может быть формой другой правовой нормы, являющейся ее содержанием. Однако одни общественные отношения могут быть содержанием других общественных отношений» [5].

Анализ отнюдь не единичных фактов такого рода примеров дает достаточные основания для вывода о том, что если ошибка в толковании и применении норм уголовного права влечет по общему правилу ошибку в применении норм уголовно-процессуального права, то и неправильное толкование норм уголовно-процессуального права может отрицательно сказаться на применении норм уголовного права.

Одной из специфических особенностей применения норм уголовного и уголовно-процессуального права следует считать то, что применяются они только компетентными органами государства (дознания, следствия, прокуратуры, суда). Правильное усвоение смысла и значения норм уголовно-процессуального права составляет в то же время необходимое условие их сознательного и добровольного осуществления (соблюдения, выполнения) всеми участниками уголовного судопроизводства, в том числе и теми, ко-

торые, содействуя применению таких норм компетентными органами государства, сами их не применяют.

Главная трудность при толковании уголовно-процессуальных норм, которая отражается на их применении, состоит в том, чтобы добиться оптимального сочетания судебного и доктринального (научного) толкования. Решить эту задачу без юридической герменевтики затруднительно: каждый автор (законодатель, правоприменитель) по понятным причинам «тянет одеяло на себя», и в результате возникает неоднозначное понимание нормы. Кроме того, единство взглядов в среде законодателей и правоприменителей наблюдается далеко не по всем правовым вопросам: правоприменитель может не разделять позицию законодателя по конкретной статье, но не вправе ничего изменить.

Зачастую нормы уголовно-процессуального права при применении переплетаются с нормами других отраслей права. Например, если в отношении руководителя организации-налогоплательщика возбуждено уголовное дело по фактам неуплаты налогов. Арбитражный суд в силу п.1 ч.1 ст. 143 АПК РФ обязан приостановить производство по делу в случае невозможности рассмотрения данного дела до разрешения другого дела, рассматриваемого судом общей юрисдикции. Если арбитражный суд придет к выводу, что он располагает полным набором доказательств, позволяющих рассмотреть дело, не приостанавливая его производство до окончания производства по уголовному делу, на налогоплательщика переходит бремя доказывания собственной добросовестности. Однако, если производство по уголовному делу приостанавливается либо вообще прекращается, с налогоплательщика снимается эта обязанность и он в силу презумпции добросовестности налогоплательщика считается добросовестным, пока налоговый орган не представит новых доказательств его недобросовестности.

Действие презумпции добросовестности налогоплательщика, установлен-

ной в налоговом законодательстве, как было показано выше, при разрешении налогового спора в суде проявляется через применение судом норм процессуального права об обязанности доказывания, а также через применение ч.2 ст. 41 АПК РФ, согласно которой лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет для этих лиц предусмотренные Кодексом неблагоприятные последствия.

Отсутствие в налоговом и уголовно-процессуальном законодательстве понятия «злоупотребление правом» не только затрудняет, но и практически исключает его применение при рассмотрении судом споров, вытекающих из налоговых правоотношений. Римский юрист Павел говорил буквально следующее: «Поступает против закона тот, кто совершает запрещенное законом; поступает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл» (Д. 1.3.29) [6].

Термин «злоупотребление правом» впервые введен ст. 10 ГК РФ, в соответствии с которой не допускается злоупотребление правом со стороны как граждан, так и юридических лиц. Однако и в этой статье ГК РФ не дается исчерпывающего определения данного понятия.

Согласно п.1 ст. 10 ГК РФ не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах. Из «буквы» данной нормы права вытекает, что основным признаком наличия злоупотребления правом является намерение причинить вред другому лицу, однако злоупотребление правом возможно и в иных формах. Данная статья ГК РФ раскрывает ряд этих форм: использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, злоупотребление доминирующим положением на рынке, осуществление этих прав неразумно и недобросовестно. В соответствии с п.2

ст.10 ГК РФ в случае злоупотребления правом суд, арбитражный суд или третейский суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права.

Представляется, что этот общеправовой принцип должен быть включен в виде отдельной нормы в Уголовно-процессуальный Кодекс РФ [7].

Правильное толкование уголовно-процессуальных норм, позволяет установлению фактических оснований принятия верных решений. Выделены наиболее часто встречающиеся ошибки в решениях. При этом мы исходим из того, что ожидаемый результат достигается не только принятием правильного решения, но и его надлежащим и своевременным исполнением. Несвоевременное принятие или исполнение решения, нарушение механизма принятия решения объясняется, как показывает изучение правоприменительной практики, не только несовершенством законодательства или пробелами в законе, но и правовым нигилизмом, выражающимся в несоблюдении требований закона, в пренебрежении требованием выполнить двуединое назначение уголовного судопроизводства, выраженным в п.1 и 2 ч. 1 ст.6 УПК РФ. Следствием этого является преобладание обвинительного уклона не только при расследовании уголовного дела, но и при рассмотрении и разрешении его судом, нарушение принципа равноправия сторон и состязательности. Поэтому «необходимо бороться с правовым пренебрежением, с правовым нигилизмом... Права и свободы человека являются приоритетом любой государственной деятельности.

Если для широкой общественности, как и для многих участников уголовного судопроизводства, усвоение уголовно-процессуальных норм составляет право или общественную обязанность, то для компетентных органов государства и соответствующих должностных лиц, деятельность которых осуществляется не иначе, как в форме применения таких норм, это — государственная обязанность. Поэтому не следует смешивать толкование норм уголовно-процессуального права, как

условие их непосредственного применения с уяснением таких норм вне органической связи с их применением или хотя бы и в такой связи, но не органами (лицами), их непосредственно применяющими.

Так как толкование норм права есть усвоение выраженной в них государственной воли, оно не может создавать новых правовых норм. При толковании норм уголовно-процессуального права это обстоятельство должно быть особо отмечено в силу того значения, которое имеет правосознание лиц, производящих дознание, следствие, судебное рассмотрение и разрешение уголовных дел, в толковании и применении правовых норм.

Критерием правильности толкования правовой нормы в процессе ее применения служит действительное содержание такой нормы отнюдь не в отрыве от ее субъективного восприятия интерпретатором, а наиболее полное и точное соответствие суждений лиц, толкующих и применяющих правовую норму, выраженной в ней государственной воле. Несоответствие субъективного восприятия правовой нормы ее действительному содержанию может повлечь подмену толкования нормотворчеством, нарушением законности.

Очень важным аспектом при исследовании герменевтического понимания и толкования норм является проблема соотношения понимания и истины. «Всякое понимание, — пишет Э. Корет, — это стремление постичь истину» [8].

Процесс толкования проникает во все этапы применения норм уголовно-процессуального права органами дознания, следствия, прокуратуры и суда. Более того, по мере применения правовой нормы в ходе уголовного судопроизводства не исключена возможность изменений в ее толковании: ранее данное толкование признается неверным и заменяется другим или видоизменяется. Это возможно на любом этапе применения нормы, причем новое толкование может быть дано как тем органом, которым правовая норма была ранее истолкована, так и органом вышестоящим. Тем самым толкование уголовно-

процессуальных норм служит и предпосылкой, и условием их применения.

Покажем это на конкретном примере из прошлого. Одним из наиболее сложных вопросов, возникающих в следственной и судебной практике, является вопрос о пределах компетенции эксперта. Заключение эксперта — один из видов доказательств [9]. Будучи необязательно для лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда, оно подлежит оценке в совокупности со всеми другими доказательствами, собранными по уголовному делу. Учитывая, однако, особый характер доказательства, исходящего от специалиста (или специалистов), законодатель требует, чтобы несогласие с заключением было особо мотивировано. Причем мотивировка должна быть изложена в письменном виде и не иначе как в постановлении (определении) о назначении повторной экспертизы для перепроверки сомнительного заключения [10].

Закон ограничивает пределы компетенции эксперта в уголовном судопроизводстве специальными вопросами науки, техники, искусства или ремесла, за пределы которых он выходить не должен. Сфера же правовых вопросов остается в незыблемой компетенции органов, ведущих уголовное судопроизводство. Такое понимание указанных норм права должно служить предпосылкой к решению конкретных вопросов. Однако истолковать это принципиальное положение применительно к обстоятельствам конкретного дела иногда трудно ввиду отсутствия четких границ между вопросами специальными и правовыми. Вероятно, этим следует объяснить различные толкования этого вопроса судебными инстанциями при рассмотрении и разрешении, например, дела Завадского по обвинению в убийстве Полещуковой, Судебная коллегия по уголовным делам Ростовского областного суда признала Завадского виновным в том, что он из низменных побуждений, желая избавиться от своей тяжелобольной жены, используя ее беспомощное состояние, убил ее путем удушения петлей и повесил за-

тем на спинке кровати, инсценировав самоповешение. Между тем согласно заключению судебно-медицинских экспертов смерть наступила от повешения, т. е. в результате затягивания петли под действием тяжести тела, что могло произойти как при убийстве, так и при самоубийстве. В материалах дела имелись доказательства, говорящие как в пользу версии обвинения, так и против этой версии.

Естественно, что основной вопрос, от решения которого зависел исход дела, заключался в следующем: причинена ли смерть посторонней рукой или самой потерпевшей?

Исходя, видимо, из того, что постановка такого вопроса экспертам вышла бы за пределы их компетенции, что вопрос этот имеет правовой характер и поэтому должен быть решен судом, Судебная коллегия по уголовным делам Ростовского областного суда ограничилась имеющимся в деле заключением экспертов и, оценив все доказательства в их совокупности, признала Завадского виновным в убийстве Полещуковой,

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного, приговор отменила и передала дело для производства дополнительного следствия, признав необходимым назначить при доследовании компетентную экспертизу, перед которой поставить указанный вопрос — причинена ли смерть посторонней рукой или самой потерпевшей.

Это определение Судебной коллегии было опротестовано заместителем Председателя Верховного Суда РФ в Президиум Верховного Суда РФ. Последний отменил данное определение и передал дело на новое кассационное рассмотрение. Важнейшим основанием была ссылка на то, что эксперт не может отвечать на вопросы, относящиеся к компетенции суда.

Толкование правовой нормы представляет собой сложное явление интеллектуально-волевого характера, направленное на познание и объяснение смысла права в целях его наиболее правильной реализации. Оно являет-

ся необходимым и важным элементом юридической деятельности. Во многих случаях этот процесс внешне незаметен, поскольку происходит зачастую автоматически, как само собой разумеющийся, без ясно выраженной цели толковать словесное выражение право-

вой нормы. Толкование нормативного акта обычно является не самоцелью, а лишь средством для того, чтобы правильно со знанием дела использовать правовые нормы в реальной жизни, а также издавать подзаконные правовые акты.

Примечания:

1. Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2009. С. 308.
2. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М., 1997. С. 99.
3. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940. С. 240.
4. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 325.
5. Пионтковский А.А. К методологии изучения действующего права // Ученые записки ВИЮН. М., 1947. Вып. 6. С. 45.
6. Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М., 2002. С. 145.
7. Нагорная Э.Н. Налоговые споры. Соотношение гражданского и налогового законодательства. М., 2003. С. 15.
8. Кузнецов В.Г., Алексеев А.П. Гносеологическая функция герменевтического понимания. Познание и язык. М., 1984. С. 26.
9. Лебедева В.М., Божьева В.П. Научно-практический комментарий к УПК РФ (постатейный). М., 2007. С. 7.
10. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2010. С. 80.

References:

1. Melekhin A.V. Theory of the state and law: a textbook. M., 2009. P. 308.
2. Philosophical encyclopedic dictionary / ed. and comp. by E.F. Gubsky, G.V. Korableva, V.A. Lutchenko. M., 1997. P. 99.
3. Golunsky S.A., Strogovich M.S. Theory of the state and law. M., 1940. P. 240.
4. Nedbajlo P.E. Application of the Soviet principles of law. M., 1960. P. 325.
5. Piontkovsky A.A. On the methodology of the present law studying // Scientific notes of VIYUN. M., 1947. Issue 6. P. 45.
6. Abushenko D.B. A judicial discretion in civil and arbitration process. M., 2002. P. 145.
7. Nagornaya E.N. Tax disputes. The correlation of the civil and tax laws. M., 2003. P. 15.
8. Kuznetsov V.G., Alekseev A.P. The gnoseological function of the hermeneutical understanding. Knowledge and language. M., 1984. P. 26.
9. Lebedeva V.M., Bozhjeva V.P. The scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the RF (paragraph-by-paragraph). M., 2007. P. 7.
10. Bezlepkin B.T. The commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (paragraph-by-paragraph). M., 2010. P. 80.